
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

БАТЮШКОВ НЕ БОЛЕН

Одноактная пьеса в 4 сценах

Действующие лица

Б а т ю ш к о в Константин Николаевич — русский поэт
Д о к т о р Д и т р и х — его лечащий врач, он же
С е с т р а — Александра, сестра Батюшкова, он же
Ч т е ц — он же
Т р у б о ч и с т — он же
Б р е н т а н о — сосед Батюшкова по клинике, он же
Т а н ц о р

СЦЕНА 1

Действие происходит в 1826 году в клинике доктора Пирница, в Зонненштейне (Германия), где русский поэт Константин Батюшков находился на излечении от расстройства ума с 1824 по 1828 год. Сцена представляет собой несколько черных стальных шкафов со множеством створок. Часть стены голая и выкрашена в белый цвет. В ней высокое окно. Под этим окном стоит больничная кровать Батюшкова, рядом письменный стол. И кровать, и стол завалены рисунками и газетами.

В углу висит икона, на стене видны надписи и рисунки углем.

Б а т ю ш к о в, упираясь, держит одну из створок шкафа. Это дверь, которую кто-то пытается открыть и войти в комнату снаружи.

Б а т ю ш к о в. Вы мне решительно не даете покоя! Убирайтесь! Оставьте меня! Я никого не хочу видеть! Не смейте входить ко мне!

Дверь перестают толкать. Батюшков прислушивается, затем отходит. Дверь открывается. Это Д о к т о р Д и т р и х. Он входит и садится у двери. Он записывает в блокнот все, что говорит Батюшков.

Б а т ю ш к о в (*показывает на Доктора*). Его нет, но он есть. Вчера я застал его под окнами. Он все записывает. Дождь, возьмите зонт, доктор (*вынимает из ящика в шкафу зонт и раскрывает над Доктором*). Думает, что я сумасшедший. Память моя слаба, это верно, но рассудок пока при мне. Я еще не совсем дурак. Хотя бывает, слова не успевают за мыслями. Мне нужен карандаш. (*Забирает у Доктора карандаш, отдает ему зонт. Стучит карандашом по зонту.*) Я мог бы остановить дождь (*прекращает стучать*). Или не останавливать. (*Стучит, прекращает. Открывает створку шкафа*

Шульпяков Глеб Юрьевич родился в 1971 году в Москве. Поэт, прозаик. Автор нескольких книг стихотворений и прозы, в том числе романа «Музей имени Данте» (М., 2013). Живет в Москве.

и рисует на ней, поглядывая на Доктора, как если бы рисовал его портрет). Я обладал талантом писателя (рисуя). Я мог бы стать живописцем. Занимался, бывало, целыми днями в моей беседке. То читал, то писал, то ездил верхом. То просто сидел сложа руки. В пустыне, доктор, и Ноев ковчег новость. Бывало, открою окно и вижу: нимфа Ио ходит, голубушка, и мычит. Теперь все пошло прахом. (Заканчивает рисунок и закрывает створку.)

Доктор пытается открыть створку. После недолгого препирательства ему это удастся. На створке портрет с рогами.

Доктор Дитрих *(говорит в заметным акцентом)*. Что означать сей образ?

Батюшков. Это враг человеческий.

Доктор Дитрих *(записывает)*. «... демонизирует того, кто призван облегчить страдания».

Батюшков. Из всех немцев только король Саксонский истинный христианин. Передайте, что Константин Батюшков питает к нему полное уважение. Я королем доволен.

Доктор Дитрих. Гут! Готовы ли вы в таком случае брать его подданство?

Батюшков. Бог не может быть в подданстве.

Доктор Дитрих. Вы полагает себя Бог?

Батюшков. И пресильный!

Доктор Дитрих. Какой же?

Батюшков. Отведите меня в церковь.

Доктор Дитрих. Вы хотите молиться?

Батюшков. Я хочу видеть, как молятся мне.

Доктор Дитрих. Чудесно! Если вы Бог, что не давать вам бежать отсюда? Тотчас покинуть это место?

Батюшков *(подходит к ДОКТОРУ)* Да вы. Вы и не даете.

Доктор Дитрих. Значит, мой Бог сильнее?

Батюшков *(насмешливо)*. Это невозможно.

Доктор Дитрих. Но это так. Вы здесь.

Батюшков *(кричит)*. Это невозможно! *(Принимается ходить по комнате и что-то искать, говорит спокойно.)* Я просил государя разрешить мне постричься в монахи на Белое море, а меня заперли в сумасшедшем доме. Жуковский! Видишь теперь, что наделал? Я верил, ты друг мне, а ты заодно с ним *(показывает на Доктора)*.

Доктор Дитрих. Это не сумасшедший дом, это клиника. Современные средства лечения. Гипноз. Электричество. Душ.

Батюшков находит под кроватью дорожный саквояж, открывает его, переворачивает и трясет. Саквояж пуст.

Батюшков *(кладет саквояж на кровать)*. Скоро уже меня здесь не будет. Свобода!

Доктор Дитрих. Вас отпустят в Россию, как только найдут положительно здоровым. Я делать записку о вашем состоянии. Консилиум давать заключение. Ваша сестра решать, ехать домой или вас дальше лечить. Я лечить.

Батюшков. Домой... *(складывает в саквояж бумаги со стола)*. Я скоро буду здоров! Уеду, увидишь *(подходит к самому большому шкафу, прикладывает ухом к створкам, потом тщетно пробует открыть их, садится на кровать)*. Бывало, возьму почтовых лошадей, сяду, проеду верст 50 или 100, да все по полям, по полям. Овсянки звенят, небо, облака... А куда? Дорога-то подо мной давно поворотилась. Смотрю, меня везут обратно в Вологду.

Д о к т о р Д и т р и х (*записывает*). Где ж мы сейчас, по-вашему?

Б а т ю ш к о в. Не знаю.

Д о к т о р Д и т р и х. Прошу прощения?

Б а т ю ш к о в. В преисподней.

Д о к т о р Д и т р и х. Дождь в преисподней?

Б а т ю ш к о в. Дождь делают баварские евреи. Что вам знать о преисподней?

Д о к т о р Д и т р и х. Вы знать?

Б а т ю ш к о в. Мне помогает Вельзевул.

Д о к т о р Д и т р и х. В чем же?

Б а т ю ш к о в. Да прогнать.

Д о к т о р Д и т р и х. Меня?

Б а т ю ш к о в (*показывает в угол под потолком*). Да не тебя. Его. (*Бросает саквояж на кровать*.)

Д о к т о р Д и т р и х (*листает блокнот, читает без акцента*). «Густав Штакельберг, граф и дипломат. Действительный тайный советник. Под его начальством Батюшков служил в Неаполе. Вспышки гнева сопровождают малейшее упоминание этого имени». Так вот что я вам скажу, милейший Константин Николаевич. Поставьте-ка все обратно с головы на ноги. Штакельберг этот был ваш мучитель и Вельзевул, а не помощник. Вы были его помощник. Теперь его нет. Вы можете поскорее забыть о нем. Ваша болезнь называется «вторая личность» или «альтернирующее сознание», она малоизученная. Еще немного времени и я сделаю открытие. Вы мне поможете.

Б а т ю ш к о в (*смотрит на Доктора, потом садится за стол и диктует*). Прошу вас покорнейше известить читателей, что я не принимал, не принимаю и не буду принимать участия в издании вашего журнала. Равномерно прошу объявить, что стихи, писанные или печатанные под моим именем, не мной написаны. Дабы избежать подозрения, объявляю также, что ничего не буду писать впредь. Оставляю поле словесности не без признательности к тем соотечественникам, кои, единственно в надежде лучшего, удостоили ободрить мои слабые начинания. Обещаю также не читать на мои стихи критику. Она мне бесполезна, ибо я совершенно и, вероятно, навсегда покинул перо автора. Ваш Константин Батюшков. Записали? А теперь идите прочь, прошу вас. Я устал (*снимает со стены икону, чтобы убрать в саквояж*).

Д о к т о р Д и т р и х (*снова говорит без акцента*). Константин Николаевич, голубчик! Сегодня из Дрездена приезжает ваша сестра Александра Николаевна.

Батюшков прижимает икону. Видно, что он не понимает, о ком идет речь.

Б а т ю ш к о в. У меня никого нет в Дрездене.

Д о к т о р Д и т р и х. Ваша сестра! Если она найдет вас положительно здоровым, она заберет вас. Вы уедете. Вы хотите уехать?

Б а т ю ш к о в. У меня никого нет в Дрездене.

Д о к т о р Д и т р и х. Или вы хотите остаться?

Б а т ю ш к о в (*решительно*). Нет! Довольно погибать на этой каторге. Я уезжаю. Пора. Мы едем домой.

Д о к т о р Д и т р и х. Где ваш дом?

Батюшков смотрит на створки большого шкафа и неуверенно кивает.

Б а т ю ш к о в. Буду идти весь день, всю ночь.

Д о к т о р Д и т р и х. Будьте с Александрой Николаевной поласковее. Она желает, чтобы вы были здоровы.

Б а т ю ш к о в. А вы?

Д о к т о р Д и т р и х. Entschuldigung?

Б а т ю ш к о в. Желаете?

Д о к т о р Д и т р и х. Я ученый, врач. Ваша сестра платить, я лечить. Вас вернуть в нормальную жизнь.

Б а т ю ш к о в (*бродит по комнате*). «Как бешеный ищущий развязки своей непостижимой сказки». Домой!

Доктор уходит.

Батюшков садится на пол с иконой в руках у запертых створок шкафа. За сценой, за створками — слышны смех, звон посуды, голоса гостей и женский голос: «Скажите няньке, чтобы поскорее привела моего мальчика. Глаша! Где Костя? Отчего ты не идешь ко мне? Твоя матушка принесла тебе гостинца. Ах, вот где ты спрятался! Вылезай! Беги ко мне. Мой мальчик, мой ангел. Дай поцелую тебя. Дай обниму. Что они с тобой сделали!»

Б а т ю ш к о в. Я здесь! Здесь! (*дергает большие створки шкафа, потом садится на пол и шепчет*). У меня никого нет. Мне не нужен никто.

Входит С е с т р а.

С е с т р а. Костя, братец! Дай обниму тебя. Как я рада тебя видеть! С кем это ты разговаривал?

Б а т ю ш к о в (*прижимая икону, позволяет себя обнять*). Осторожно, сударыня! Вы теперь в стране лакированных ботфорт. Здесь каждое слово записывают. Я вам ни с кем не рекомендую разговаривать. Вы хорошо выглядите! Вас тоже подвергают электризованию? Здесь всех подвергают электризованию.

С е с т р а (*распаковывает книги и письма*). Я рада, что ты шутишь, Костя.

Б а т ю ш к о в. Попробуйте холодный душ. Это как если всякий миг об голову разбивать ледяной столб. Целый час ходишь потом с этим столбом в голове.

С е с т р а. В Дрездене я простудилась и неделю не вставала. Нашу коляску пришлось оставить. Яков остался тоже. Заберем его на обратном пути. Ты хочешь домой?

Б а т ю ш к о в (*не слышит ее*). От мигрени хорошо помогает вращательная машина. Это излюбленное развлечение народа на ярмарках. Кровь приливает к ногам, а в голове пусто. Что у вас в голове, сударыня?

С е с т р а. Маленький братец Помпей шлет тебе рисунок нашего дома в деревне. Доктор просил привезти тебе воску и краски (*поднимает с пола восковые фигурки*). И бумагу для рисования. Кто это?

Б а т ю ш к о в (*забирает фигурку, мнет воск, бессильно стараясь понять, кто перед ним*). Есть также рвотный камень, но его я не рекомендую.

С е с т р а. Вот табак, Гнедич велел тебе кланяться.

Б а т ю ш к о в. Бог вылепил человека из глины, но забыл вдунуть мысли. Что такое голова без мыслей? Колокол.

С е с т р а. Гнедич говорит, такой табак не стыдно курить в магометановом раю. Какой колокол, Костенька?

Б а т ю ш к о в. Здесь всегда идет дождь (*неожиданно бросается к ногам Сестры*). Как я рад что ты приехала! Ты простила меня? Ты больше не держишь зла? Забери меня. Видишь, судьба наказала меня довольноно.

С е с т р а. За что я должна простить тебя? Вот письма, Костя (*достает пачку конвертов и книги*). От Жуковского.

Б а т ю ш к о в. Ты простила меня?

С е с т р а. Здесь Пушкина первые главы «Евгения Онегина», весь Петербург теперь читает только Онегина. Помнишь Пушкина? А это просил Вяземский.

Б а т ю ш к о в. Не помню (*равнодушно вертит конверты, затем отбрасывает и конверты, и книги, продолжая лепить из воска*). Эмилия! Нас отправили в дело только под Гейльсбергом, ты знаешь. В первой стычке пруссаки прострелили мне ногу. Я лежал на соломе день, лежал ночь. Рядом стонали и умирали раненые. Я думал, Эмилия, что умру. Было бы хорошо умереть, не оставив ничего. Ни детей, ни денег, ни стихов. Но если бы я тогда умер, мы бы не встретились. Потом я очнулся. Я очнулся в вашем доме. Ты спасла меня, Эмилия, один раз — спаси и другой. Помнишь сад? Как пели соловьи? Двадцать лет прошло, а я слышу. Тебе, наверно, было неловко целоваться с калекой (*открывает створку, на которой нарисован Батюшков на костылях*).

С е с т р а (*пытается подыграть ему*). Ты был храбрый солдат, а не калека.

Б а т ю ш к о в (*открывает зеркальную створку и говорит со злостью*). Маленькая философия, маленький ум, маленькое сердчишко и маленький кошелек. Сама видишь, какой муж достался бы тебе. Где твои локоны, Эмилия?

С е с т р а. С кем ты говоришь, Костя?

Б а т ю ш к о в. Тише! (*зажигает свечу и освещает угол под потолком*). Он все записывает.

С е с т р а. Там никого нет, Костя.

Б а т ю ш к о в. Его нет, но он есть. Забери меня, Эмилия!

С е с т р а. Тебе нужен доктор, Костя.

Б а т ю ш к о в (*берет ее за руки*). Ангел мой, но что я мог поделать? Как только здоровье позволило мне... меня ждали в полку... потом снова война, Наполеон. Лейпциг, Париж... Я хотел, я думал о тебе. Я должен был вернуться. Твоя любовь спасла бы меня. Всех нас гонит какой-то мстительный бог.

С е с т р а (*со слезами на глазах*). Помнишь ли ты нашу матушку, Костя?

Б а т ю ш к о в (*отстраняется*). Кто ты?

С е с т р а. Я твоя сестра Александра. Саша.

Б а т ю ш к о в. Эмилия!

С е с т р а. Доктор!

Батюшков сминает слепленную женскую фигурку. Сестра плачет и уходит. Батюшков засовывает икону в саквояж и стоит над ним в нерешительности. Потом прячет саквояж под кровать. Собирает в охапку привезенные письма и книги. Вскрывает конверт наугад.

Б а т ю ш к о в (*читает*). «Шлю тебе табаку турецкого с шафраном, анемонами и ананасовым соком. До блевоты, брат, закуришься».

Батюшков открывает нижнюю створку шкафа. Это печка и он сжигает письма. Закрывает печку. Снова приникает к большому шкафу.

Б а т ю ш к о в (*шепотом*). Эмилия! Ты здесь? Ответь мне. Эмилия! (*Стучит громче, кричит*). Пустите меня! Не смейте меня здесь больше задерживать! Эмилия!

В комнату вбегает Б р е н т а н о, это безумный сосед Батюшкова по лечебнице. В руке у него кувшин с водой. Он выливает воду на голову Батюшкову.

Б р е н т а н о (*размахивая кувшином*). Подлец! Сумасшедший! Будешь мне стучать! Будешь мне по ночам шаркать! Будешь еще разговаривать!

Батюшков в изумлении садится. Он весь мокрый. Brentano выскакивает за дверь. За сценой слышна возня и крики: «Это Brentano! Держите его! Скорее, дайте веревку. Ключ, ключ!» Мокрый Батюшков вытирается газетой и с опаской смотрит на дверь. Поднимает воск и машинально мнет его. Входит Д о к т о р Д и т р и х.

Д о к т о р Д и т р и х. Это ничего (*берет газету и вытирает Батюшкову лицо*).

Б а т ю ш к о в (*спокойно*). Да бросьте, доктор. Я все понимаю. Этот Брентано просто больной человек.

Затемнение. Ч т е ц читает.

Ч т е ц.

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Зафну поет.

Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашел от смущения слов:
— Ни у кого — этих звуков изгибы...
— И никогда — этот говор валов...

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принес —
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слез.

И отвечал мне оплакавший Тасса:
— Я к величаньям еще не привык;
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык...

Что ж! Поднимай удивленные брови
Ты, горожанин и друг горожан,
Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан...

СЦЕНА 2

Голос Доктора за сценой. «Сюда, прошу вас. Так, так. Danke». Слышен шум шагов, затем дверь открывается. В проеме стоит Д о к т о р и знаками что-то показывает П е в ч и м, которых не видно. Доктор пристально смотрит на Певчих, потом показывает знаками, куда переместиться. Перемещения Певчих за сценой повторяются несколько раз.

Д о к т о р Д и т р и х. Gut! Это хорошая идея. Сейчас будем смотреть какой он бог.

Б а т ю ш к о в стоит на стуле, который неустойчиво стоит на кровати.
Балансируя, он смотрит в окно над кроватью.

Б а т ю ш к о в. Форма в природе есть смысл, а смысл — форма. Не этого ли добивается в искусстве художник? Жить как пишешь, писать как живешь. Вот моя философия. Но жизнь бедна, нет в ней гармоний. Обстоятельства делают помехи Божьему замыслу. Как узнать, что он задумал? Мир

прекрасен, а человек умирает. Когда мы вышли из Неаполя, стояло раннее утро. Острова на заливе поднимались, облитые солнцем. Слова были то желтыми, то голубыми. Это были картины рая. Я видел руку великого художника. Я мог бы прожить на этом острове остаток жизни. Почему, оступившись раз, мы идем дорогой ошибок всю жизнь? За что ты наказываешь меня?

Д о к т о р Д и т р и х. Довольно часто вид из окна производил на большого сильное впечатление. Холмы и долины, и голубое небо возбуждали в нем поэтическое настроение, которое сильно удивляло меня. Я не мог понять его природу. Солнце и луну он боготворил и часто молился им.

Доктор делает знак Певчим. Они вступают и поют псалмы.

Б а т ю ш к о в. Зачем! Ведь я не приказывал! Остановите! Сейчас же прекратите это дурацкое пение!

Д о к т о р Д и т р и х. Хор поет вашу славу, Константин Николаевич.

Б а т ю ш к о в. Ты глуп как дождь. Прикажите молчать! (*Спрыгивает с кровати и топает ногами.*) Я приказываю! Молчать!

Доктор делает знак, Певчие замолкают.

Д о к т о р Д и т р и х (*на пороге, задумчиво*) Нет. Не тот. Другой бог.

Доктор уходит, а Батюшков ложится на кровать спиной к зрителям. Слышен голос Доктора: «Причины быстрых изменений в расположении духа моего пациента нужно искать в непрерывной смене картин болезненно-деятельного воображения. Удивительно при сем, что глаза, несмотря на полное отсутствие всякой последовательности в мыслях, смотрят у него разумно». К голосу Доктора примешивается голос матушки: «Костя, мой милый мальчик. Что ты делаешь под столом? Иди ко мне. Твоя матушка принесла тебе гостинца...» Батюшков встает, подходит к большому шкафу и дергает за створки. Они заперты. Входит Т р у б о ч и с т.

Т р у б о ч и с т. Доброго здоровья, герр Батюшков.

Б а т ю ш к о в. Кто вы?

Т р у б о ч и с т. Я трубочист. Позвольте мне осмотреть вашу печь. Это не займет много времени. Как вы поживаете?

Б а т ю ш к о в (*прикладывает палец к губам и крадется к печке. Садится перед ней*). Тсс! (*Знаками подзывает Трубочиста.*)

Т р у б о ч и с т. Так точно (*садится рядом, придерживая ключи, которые висят на поясе*).

Б а т ю ш к о в. Они там (*открывает печь и показывает внутрь*).

Оба несколько секунд смотрят в черную топку.

Т р у б о ч и с т. Кто-с?

Б а т ю ш к о в. Господа Штакельберг и Жуковский. Вам они должны быть известны.

Т р у б о ч и с т. Никак нет-с.

Б а т ю ш к о в. Это орехи.

Т р у б о ч и с т. Так точно-с.

Б а т ю ш к о в. Наш царь как обезьянка — первыми кладет их за щеку, чтобы последними скушать.

Т р у б о ч и с т. Я вас не понимаю, милорд.

Б а т ю ш к о в. А я этому рад. Умная речь спит в глупом ухе. Вы можете мне прогнать их? Затопим, эти господа и выскочат. Навалимся вдвоем и спрячем в шкаф (*показывает на большие створки шкафа*). Нет ли у вас ключа? Эти господа отлично бы туда поместились.

Т р у б о ч и с т (*убирает ключи*). Нет.

Б а т ю ш к о в (*несколько секунд разглядывает Трубочиста, потом срывает с него шапку*). Помпей? Братец! Что за дурацкая шляпа? Что за нелепый вид? (*Держит Трубочиста за шиворот и, пока трясет его, снимает с него связку с ключами.*) Надо бы только побольше трудиться, Помпеюшка. (*Продолжает удерживать Трубочиста.*) Тогда матушка будет довольна. Не огорчай матушку. Будь примерным мальчиком. Не то останешься как я без матушки. Брось проделывать дурачества. К чему притворство? Зачем ты раскрасил лицо красками?

Вырвавшись, Трубочист убегает. Батюшков закрывает за ним двери и прислушивается. Потом подходит к шкафу и подбирает ключи. Один подходит. Батюшков достает из-под кровати саквояж. Он готов к побегу. Он грозит кому-то под потолком, потом задувает свечу, которая горит на столе. Садится «на дорожку», потом встает, крестится и решительно распахивает большую створку. Внутри шкафа за накрытым столом ужинает

Д о к т о р.

Д о к т о р Д и т р и х (*намазывая бутерброд*). Как-то в обед потребовал он грибов, а потом меду; грибы подали ему с ореховым маслом; очень хвалил он это масло и находил в нем вкус меда; сиделка сказала ему, что это масло прислано «генеральшей Муравьевой»; он запретил ей при нем, «при боге произносить такое варварское имя».

Б а т ю ш к о в (*в ужасе пятится*). «...варварское имя».

Д о к т о р Д и т р и х (*приглашает жестом за стол*). Deutschespecialitetn!

Батюшков несколько секунд находится в полной растерянности.

Б а т ю ш к о в (*роняет саквояж*). Благодарю вас, доктор. Я сыт моими страданиями (*незаметно утаскивает со стола бутылку с уксусом*). Подайте мне черного хлеба.

Доктор протягивает корзинку с хлебом. Батюшков берет ее и озирается. Теперь, когда побег не удался, он быстрыми хлопотливыми движениями готовит сцену к черной мессе. Он выносит стол, ставит на него чашу и крошит в чашу хлеб, потом крестит ее. Все это он делает торопливо, как будто боится не успеть. В чашу он доликает уксус и снова крестит. Подает на колени перед чашей. Крестится. Встает снова. Пока Батюшков готовит черную мессу, Доктор читает по бумажке.

Д о к т о р Д и т р и х. «Дед мой Илья Андреевич Батюшков, вологодский помещик, в припадке помешательства составил заговор против императрицы Екатерины Великой. Он не только поверил в свою фантазию, но еще убедил соседа-помещика, что тот никто иной как незаконный сын английского короля и покойной императрицы. И теперь имеет прямые права на российский трон».

Батюшков закрывает створки шкафа и некоторое время удерживает их.
Доктор читает из-за закрытых створок.

Д о к т о р Д и т р и х. «Моя мать Александра Григорьевна Батюшкова, урожденная Бердяева, сошла с ума, когда мне было четыре года, и через два года скончалась, не приходя в разум. Теперь пришла и моя очередь. Внутри себя я чувствую черное пятно. Оно все больше и скоро зачернит душу. У меня нет сил противостоять ему...»

Вступает ритмичная современная музыка. Батюшков встает на колени перед чашей и читает молитву.

Б а т ю ш к о в. Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Батюшков встает и медленно выпивает из чаши. В этот момент свет на сцене гаснет, и открываются все створки с рисунками. Батюшков хватается за горло, падает и бьется в конвульсиях. Громче музыка. Входит Т а н ц о р и исполняет довольно дикий нелепый танец. Он танцует и декламирует, в то время как Батюшкова уносят со сцены.

Т а н ц о р.

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Все васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут все выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Все васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?

СЦЕНА 3

Д о к т о р сидит рядом с кроватью Батюшкова, заваленной ворохом рисунков и газет. Он складывает в шляпу бумажки, исписанные Батюшковым. Когда набирается полная шляпа, он уходит за сцену. Судя по шагам, он поднимается. Потом над кроватью открывается окно. Доктор появляется в окне и молча просматривает бумажки. Потом он высыпает их обратно на кровать. Одну записку он зачитывает.

Д о к т о р Д и т р и х. «Вчера я обедал у нашего Батюшкова. То, как он говорил, не показывало сумасшествия, если, конечно, не коснешься главного: его любви, его друзей и правительства. Одно из двух — либо лечить его, и тогда немедленно везти в Германию. Здесь и думать нечего! Или отказаться от лечения, отдать на руки родичам и перевести в деревню. Но как на это решиться? Зима нынче встала снежная, такая, что в декабре уже занесло все дороги...»

Ворох газет на кровати начинает шевелиться. Под газетами лежит
Б а т ю ш к о в. Он садится на кровати и смотрит перед собой.

Д о к т о р Д и т р и х (*записывает*). Любовь, друзья и правительство.
Б а т ю ш к о в (*пока Доктор раскладывает на окне бумаги для доклада*). Приходит как-то раз один из господ Замотайлова десятка в торговые ряды и набирает у купца товару на тысячу рублей. Отдав задаток 50 рублей, говорит он купцу, что остальные деньги дома и чтоб он пожаловал за ними на квартиру. Купец готов, товары отпущены и со слугой отправлены. Но молодец этот вместо квартиры приводит купца в дом сумасшедших. Доктору он говорит, что купец помешался и все время твердит о тысяче рублях и проданных будто бы товарах. Так нельзя ли полечить его, вот и деньги — 50 рублей у купца в кармане. Доктор деньгам рад и ничего от купца слушать не желает. Он велит его вязать и сажать на цепь как сумасшедшего...

Д о к т о р Д и т р и х (*читает перед воображаемой аудиторией*). Meineherren! Уважаемые господа, коллеги! Поскольку мой подопечный Константин Николаевич Батюшков — русский, я полагал его бог русским. Однако это оказалось не верно. И вот каким образом удалось мне это выяснить. Больной часто и повсюду искал некоего Помпея, которого называл младшим братом, и даже принял за того нашего трубочиста, чем довольно напугал этого малого. Сперва я положил считать Помпея плодом поэтического воображения — ведь мой пациент поэт. Но вскоре убедился, что Помпей этот не выдумка, а существует в действительности. И это никто иной как сводный брат поэта. Оба эти имени, Константин и Помпей, указывают на великих римских полководцев. Надо полагать, что в честь них отец их, вологодский помещик, и назвал сыновей своих. Как все мы прекрасно помним, император Константин Великий был героем многих победоносных сражений. За высшие заслуги перед империей Сенат еще при жизни объявил его богом. Можно сказать, герой и бог сошлись в одном лице этого императора. Утверждаю, что именно этим лицом и мнит себя пациент мой.

Доктор достает из портфеля лавровый венок и спускает его на голову Батюшкова. Окно над кроватью закрывается. Батюшков надевает венок.
Плед он накидывает через плечо как римскую тогу.

Б а т ю ш к о в. Москвы нет, потери невозвратные! Все осквернено шайкой наполеоновских варваров! Нет, я твердо решил в армию. Знаю, военная жизнь быстро вылечит от хандры. Не все еще потеряно в нашем отечестве. Дай мне бог умереть с этой надеждой. Если ты, Жуковский, переживешь меня, возьми мои стихи и делай что хочешь. Вот и все, что могу оставить тебе. (*Снимает венок и садится на кровать. Из-под кровати он достаёт большой военный барабан.*)

Голос Доктора за сценой: «При такой болезни человек становится вне всяких определений. Он как бы вычеркивается из мира. У него нет и не может быть сознания каких бы то ни было обязанностей перед людьми.
Отныне он принадлежит великому целому природы».

Батюшков вынимает из груды газет карту боевых действий и раскладывает на барабане. За сценой звонит погребальный колокол.

Б а т ю ш к о в (*показывает на карте*). К полудню фронт передвинулся к востоку от Лейпцига. Канонада летела теперь со стороны Госсы, где стояли французы. На моих глазах генерала Раевского ранило осколком гранаты. Его последним распоряжением ко мне было донесение к егерям. Они стояли за холмом возле деревни Рота.

Входит Д о к т о р. Он вытаскивает на сцену манекен. Это медицинская модель человеческого тела.

Д о к т о р Д и т р и х. Мы с доктором Шульцем записались в добровольческий отряд. Саксонских врачей отправили сразу под Лейпциг. Там разворачивалась финальная драма битвы народов. Деревня, куда мы попали, называлась Госса. Гульденгосса. Золотая. Здесь в огромном парке стоял замок торговцев золотом.

Б а т ю ш к о в (*открывает створку с портретом Петина*). В этом полку служил Иван Петин. Он не писал стихов. Он был лучший друг и без этого. Когда я прибыл, его отряд кинули в бой. Дым полностью покрыл поле. Я пустил лошадь в обход, чтобы добраться лесом, но отступающие части неприятеля перерезали дорогу. Передавать донесение было некому. Я поспешил обратно к Раевскому. Я ждал только, чтобы разузнать, чем кончилась стычка. Ужасные сведения доходили до нас. Егерский полк был полностью разгромлен. Все время лил дождь, дождь. Только к вечеру мне удалось проехать к месту сражения. Тела мертвых лежали вперемешку с разбитыми ящиками сколько хватало взгляда. Мертвые лица блестели от воды. Меж мертвецов бродили лошади. (*Подходит к стене и открывает створку, на которой нарисована колокольня.*)

Д о к т о р Д и т р и х. Французский госпиталь расположился в замке. Русские стояли так близко, что с крыши я видел огни их костров. Операционную решено было устроить в оранжерее. Раненых привозили прямо с поля боя. Врач? Нет, тут нужен мясник, сразу сказал Шульц. А не то, чему нас учили в университете. Нужно было только пилить и резать, пилить и резать. (*Отнимает от манекена ногу и отбрасывает ее.*)

Б а т ю ш к о в (*показывая на карте*). Наконец какой-то денщик сказал мне, где погиб отряд Петина. Он указал на рощу, над которой виднелся шпиль кирхи. Это была Рота. Я направил туда лошадь. При кирхе я нашел священника, который уже совершил погребальный обряд над телами офицеров. Среди них был и мой бедный друг. Я взял со священника слово смотреть за могилой. Со смертью Петина в душе моей навсегда оборвалось что-то.

Доктор отнимает от модели руку, отбрасывает. Ходит по сцене, пиная то руку, то ногу. Достает кулек с семечками и грызет их.

Д о к т о р Д и т р и х. Отпиленные конечности санитары закапывали в саду. Собаки разрывали их и грызли. Хоронить было легко, тела были безногие и безрукие и не занимали много места. Хоронили прямо в парке. (*Предлагает семечки Батюшкову, чтобы взять под мышку безрукий манекен.*)

Б а т ю ш к о в (*берет кулек*). Мы вошли в Париж победителями, но душа моя была раздавлена. Это была Пиррова победа. Лучший из людей остался лежать в чужой земле, а я бродил по Лувру, пил вино. Я был в театрах и музеях, я посещал Академию. Я увидел то, о чем не мог и мечтать в вологодской глуши. Но это был один только сон. Перед глазами стояла проклятая колокольня. Лошадь и колокольня. И все шел и шел дождь (*прячет кулек с семечками*). Всех нас гонит по свету какой-то мститель-бог. (*Срывает с барабана карту и рвет ее.*)

Д о к т о р Д и т р и х (*стоит с манекеном под мышкой*). В дальнем углу парка стояла скульптура (*ставит манекен на стул и набрасывает на него простынь*). Какая-то богиня или нимфа, не знаю. Надпись давно стерлась. Многие годы потом я вспоминал эту скульптуру. Темный парк, на небе зарево от пожара. Стоны умирающих. Запах крови. Смерть. Белый силуэт обнаженной женщины.

Б а т ю ш к о в. Я вернулся в Петербург через Европу. В Веймаре я видел Гете. Стокгольм, Лондон — я узнал мир, но когда вернулся, не

узнал родины. Все кругом кричало о великой силе русского оружия. Об императоре-освободителе. О народе, который победил Наполеона. Они как будто выдумали самих себя в этой безумной горячке. Опомнитесь, хотелось сказать им. Нельзя жить выдумкой. Остановитесь.

Д о к т о р Д и т р и х (*достает блокнот, листает, читает*). «В сентябре он предсказал, что в мае все совершенно изменится, будучи убежден, что теперь апрель. Он предупредил Шульца, что скоро придет его сын, архангел вечности, и сделает около больницы святой круг от нечисти. Шульцу он посоветовал, что если в мае тот не изловит Штакельберга, то сам он уже не сможет за него поручиться. Все это он высказал спокойно, лежа на диване и грызя сухари».

Б а т ю ш к о в послушно достает кулек с семечками.

Б а т ю ш к о в. Европа, которой мы так слепо подражали и которую боготворили, в один час стала в наших глазах презренной. Какое высокомерие и невежество! Считать Славянство венцом человечества! Министр просвещения предлагает запретить книги Карамзина. Они порочат великую историю нашей Родины. Министр просвещения — книги! А все иностранные слова из языка вымарать.

Д о к т о р Д и т р и х. Что ж тогда останется?

Батюшков протягивает Доктору семечки.

Д о к т о р Д и т р и х. После войны я ушел из хирургии. Я посвятил себя изучению человеческого мозга (*отнимает от манекена голову*). Гуморальной ревульсии я противопоставил теорию нематериальной меланхолии. Лечить следовало причину, а не симптомы. Например, самоубийство. Принято считать его высшей формой помешательства. Моя теория, что самоубийца это убийца-неудачник. Но внешние обстоятельства жизни мешают его склонности. Тогда он убивает себя. Человек рождается убийцей. (*Садится рядом с Батюшковым на кровать, держа перед собой голову*.)

Б а т ю ш к о в (*говорит голове*). Все теперь стали патриоты, все говорят «кафтан» вместо «сюртук». Но эти господа и секунды не любят отечества. Я имею право так сказать, я воевал. Русское, русское, русское... (*Придвигается к голове*). Да знаете ли вы, господа, какое это проклятие быть русским? Русский отрезан от мира целым веком европейского просвещения. Вот, наконец, он делает шаг на свободу. Но, словно испугавшись этой своей свободы, быстро сдает назад. Куда? Нельзя! Погружается в то, из чего хотел выбраться, еще глубже.

Доктор во время этого монолога затыкает голове уши, а потом отсаживается и прячет голову за спину.

Б а т ю ш к о в (*моментально успокоившись*). Я родился и вырос при Екатерине. Мое отрочество пришлось на короткий век Павла. Я служил Александру. Все Батюшковы служили. Но время летит для всех. Зла в мире всегда больше, чем добра, а глупости — чем ума. Люди режут друг друга, чтобы основывать государства. Государства сами собой разваливаются от времени. Люди снова режут. Из правления народного всегда рождается тирания. Но и тираний нет вечных. В истории я не вижу ничего кроме крови. На чем основать надежду? Укрепить разум — как? Я закрываю книгу. Больше нет во мне ничего, кроме пустоты и разочарования.

Д о к т о р Д и т р и х (*разнимает половинки головы*). Пустота и разочарование.

Б а т ю ш к о в (*начинает поспешно раздеваться*). Ах нога моя, нога. Нашутила ты, нога!

Д о к т о р Д и т р и х (*не замечая Батюшкова, декламирует, двигая челюстями головы как если бы голова читала сама*).

От стужи весь дрожу,
Хоть у камина я сижу,
Под шубою лежу
И на огонь гляжу.
Но все как лист дрожу.
Подобен весь ежу.
Теплом я дорожу,
А в холоде брожу.
И чуть стихами ржу.

Б а т ю ш к о в (*прыгает на одной ноге, другой ногой в штанине*). Говорят, я непостоянен.

Д о к т о р Д и т р и х (*передразнивает на мотив детской песенки*). Я от стужи весь дрожу.

Б а т ю ш к о в. То домосед, то странник. То патриот, то критик своего отечества.

Д о к т о р Д и т р и х. У камина я сижу.

Б а т ю ш к о в. Но вот, посмотрите на ногу. Посмотрите и замолчите! Вот истинный образец постоянства.

Д о к т о р Д и т р и х. Все гляжу.

Доктор с любопытством разглядывает голую ногу Батюшкова.
Батюшков выхватывает у Доктора голову и бросает ее об стену.

Д о к т о р Д и т р и х. И стихами тихо ржу.

Б а т ю ш к о в. Лето, зима — нога не знает различия. Она мой командир. Захочет, в постель уложит. Захочет, отправит в дорогу. Я бы хотел заглянуть к ней. Как она там? Помнишь прусскую пулю? Что молчишь, отвечай! Пора уже перетянуть в тебе веревки. Ах нога. Нашутила ты, нога!

Д о к т о р Д и т р и х. Это, Константин Николаевич, обычный ревматизм.

Б а т ю ш к о в. Нет, не обычный. Не обычный!!!

Доктор смотрит на ногу, потом достает из своего чемодана ножовку. Оттуда же он достает флакон с эфиром и протягивает под нос Батюшкову. Тот отшатывается.

Д о к т о р Д и т р и х. Из конечностей, которые я ампутировал, можно составить город. Дело на полчаса. Соглашайтесь, Константин Николаевич! Раз! И нет. Я это отлично умею. Вы и пискнуть не успеете.

Батюшков с ужасом смотрит на Доктора, который поигрывает ножовкой и хирургическими щипцами. Батюшков отодвигается, встает и пьтится к дверям. Он выбегает из комнаты и запирает дверь снаружи. Слышны его крики: «Он сошел с ума! Шульц, кто-нибудь — на помощь! Доктор Дитрих сошел с ума!» Доктор, посмеиваясь, убирает ножовку. Свет гаснет.

Ч т е ц выходит на авансцену.

Ч т е ц.

Ты мне скажешь, на то и зима,
в декабре только так и бывает.
Но не так ли и сходят с ума,
забывают, себя убивают.

На стекле заполярный пейзаж,
балерин серебристые пачки.
Ах, не так ли и Батюшков наш
погружался в безумие спячки?

Бормотал, что, мол, что-то сгубил,
признавался, что в чем-то виновен.
А мороз, между прочим, дубил,
промораживал стены из бревен.

Замерзало дыханье в груди.
Толстый столб из трубы возносился.
Декоратор Гонзаго, гляди,
разошелся, старик, развозился.

С мутной каплей на красном носу
лез на лесенки, снизу елозил,
и такое устроил в лесу,
что и публику всю поморозил.

Кисеей занесенная ель.
Итальянские резкости хвои.
И кружатся, кружатся досель
в русских хлопьях Психеи и Хлои.

СЦЕНА 4

На темной сцене освещен только Б а т ю ш к о в, декораций не видно.
Он сидит на стуле на авансцене с доской, на которой пишет мелом.
Он говорит в зал.

Б а т ю ш к о в. Итак, подведем итог. Петербурга жизнь. Квартира — 500 рублей. Дрова, освещение, чай — еще 500. Трое людей — 500. Кушанье — 1000. Платье тоже 1000. Экипаж и непредвиденные издержки — две тысячи. Итого пять с половиной. Вот тебе и мечта. Ты зовешь меня в Петербург, в Москву. Ты знаешь, как я люблю Москву. Но как? Одной дороги четверо суток. Ночевать бог знает где. С моим здоровьем. Знаешь ли ты, как это провинциалу — жить вашей жизнью? Весело, остроумно, по-литераторски, не считая денег, в ногу. И все это зная, что через погода кончится, что надо будет уезжать в угол, в лес, в глушь. :дать, ждть. Денег, книг, табаку. Половина стихов, которые я написал, запропали. Мой перевод «Божественной комедии» пропал. А векселя, вот они. Стихи, брат, не деньги. Приезжай, приезжай, приезжай... Видит бог, как я любил вас, как я любил Москву. Но я был чужой. Мне было не успеть за вами. Стихи мои вы хвалили только для блеска. Я видел вашу снисходительность ко мне. Вам нужен был милый доверчивый Батюшков. Щедрый собутыльник, собеседник. Острослов и жуир, живущий на ветер. Певец красоты и гармонии, вологодский помещик. Диковина. Другой Батюшков, злой, вспыльчивый, мрачный сорняк на обочине — вам был не интересен. А что хотел я? Мне-то самому что нужно было? Долг царю и отечеству я отдал на войне. Но стоило мне вернуться из похода как я стал мечтать о новых странствиях. Я уехал, но вдали от дома рвался обратно в свой угол. Мысль моя была слишком слаба, чтобы задержаться на чем-то одном. Одиночество. В одиночестве развивается хандра. Лень. Подведем итог. В сутках 24 часа. Из них 12 я занят сном. Один час я курю табак. Один час одеваюсь. Три часа

упражняюсь в искусстве *il dolce far niente*, то есть убиваю время. Час обедаю, еще час варит желудок. Четверть часа смотрю на закат. Вот моя жизнь в деревне. Только стихи могут обмануть время. Но стихи — обочина, сорняк. Что никому не нужно. Когда пишешь, времени нет. Оно, мой друг, тоже относительно. Но теперь талант мой пропал. Как носильщик, я нес на голове сосуд с чем-то драгоценным. Но не удержал, разбил. Иди теперь узнай, что в нем было. Вместе со способностью писать я потерял способность наслаждаться жизнью. Твой бонвиван и картежник Батюшков превратился в мизантропа. Я стал лентяй, брязга и скряга. Подведем итог. Он имеет нужду платить по векселям в чужие края — раз. Три тысячи с процентами он должен в ломбард, два. Имение ему обещали пересрочить, если придет не залог, а сказку из суда, три. Посмотрим дальше. Этот человек не дороден. Он рассеян. Снисходителен. Ничего не знает с корня, а только по верхам. Не чиновен, не знатен, не богат. Не умеет играть в шах и мат. Не женат. Не женат! Хотя дважды любил. Но оба раз судьба обманула его. Сначала обманул он сам. Он обещал Эмилии вернуться, он и сам в это верил, когда уезжал из Риги. Но жизнь берет свое. В России я с головой ушел в хозяйство. Батюшков стал литератор. Писал стихи, хотел быть как вы. Блистать на балах. Быть любимцем женщин. Забыл свою Эмилию. Единственное сердце, любившее меня беззаветно. Подведем итог. Есть три вида любви. Одна в голове, другая в сердце, третья в крови. Головная самая опасная. Она мечтательна и холодна. Это любовь поэтов и сумасшедших. Любовь сердечная опасна менее других, это дружба. А любовь в крови это любовь Дон Жуана. Спросите у доктора! Истинная любовь триедина. Она и в голове, и в сердце, и в печенках. Вот блаженство, вот ад! Если бы не мой ревматизм.... Ах, нога, нога! Что может калека? Месяцами страдающий от болезней, которым ни один доктор не может дать определения? Ахилл Батюшков — Ах! Хил Батюшков. Так они называли меня. Но теперь я был здоров. Я встретил Анну, и все три любви проснулись. Она была воспитанницей у Олениных. Милейший Алексей Николаевич выхлопотал мне место в библиотеке. Теперь у меня была должность и жалование. Все складывалось как нельзя лучше. Оленин ждал от меня решительных действий. Знаешь, друг мой, как я раньше думал о женщинах? В голове у них дым, а в сердце лед. Ну, ребенок — что взять с Батюшкова. Но любовь все переворачивает с головы на ноги! Я уже рисовал нашу семейную идиллию. Весь город говорил о свадьбе. Батюшков женится! Наш добрый Батюшков. И я открылся. Я сказал, что люблю ее и прошу руки. Она отвечала, что будет покорна. Любит ли она меня? Нет, сердце ее останется закрытым. Она меня не любит. Можно ли построить счастье без любви? Вяземский женился на богачке Гагариной, когда проиграл состояние. Крепче брака я не видел. Но я не Вяземский. Решайте, господа, что Батюшков дурак, но семейная жизнь без любви? Я отказался. Скандал, позор! Девушка скомпрометирована, отныне Батюшкову нет места в Петербурге! Но если одна мечта рушится, другая воздвигнется. Я поэт и знаю рифмы. Жизнь состоит из симметрии. Я получил место в дипломатической миссии.

Наверху высвечивается фигура Доктора.

Д о к т о р Д и т р и х. Веришь ли, друг мой, наш ахилл Батюшков теперь в Италии! Он увидит Рим, Неаполь. Сорренто, родину Торквато Тассо. Помнишь его переводы с итальянского? «На смерть Тасса»? Обязательно перечти, и перечти вслух. Вот звук, вот мощь! Никто из нас и близко так не мог бы.

Б а т ю ш к о в. Нет ничего страшнее сбывшейся мечты, господа. Я это теперь знаю. Первый год я упивался руинами. Я бродил по Риму с карандашом и бумагой. Я перезнакомился со всеми кошками. Сорренто, Искья. Блаженные края. Но стихи больше не шли ко мне. Я не мог написать ни

строчки. Нога моя изнылась, проклятая. Совсем не дает покоя. Ах, нога, моя нога. Нашутила ты, нога! Видишь, что ты наделала! Граф Штакельберг в бешенстве. Вы на дипломатической службе, милостивый государь, а не в деревне. Здесь вам не стишки марать. Извольте повиноваться, а не рассуждать. Я запрещаю вам рассуждать. Ни вы, ни нога ваша, ни голова — рассуждать не смеете. Вашего ума дело выполнять распоряжения. Итак, подведем итог.

Д о к т о р Д и т р и х. Подведем итог. Ему тридцать три года. Он то здоров как бык, то при смерти болен. Сегодня беспечен как ребенок, а завтра ударился в религию. Лицо у него доброе, и сердце доброе. Но какое-то непостоянное. Подвижное. Он перенес три войны. На фронте был здоров, а дома умирал от тоски и скуки. Он не охотник до чинов и крестов, но рыдал, когда его обошли званием. В нем два человека.

Б а т ю ш к о в. В нем два человека. Один добр, прост, весел. Другой злой, завистливый, жадный. Этот другой — прямой урод. Он со всеми перессорился. Он ничего не хочет писать. Он не хочет ни служить, ни быть в отставке. Ни путешествовать, ни возвращаться в Россию он тоже не хочет. Этот Батюшков всех разлюбил. Мрачное воображение победило его рассудок. Ему теперь везде мерещатся сплетни и заговор. Он заперся от любви и дружбы. Он дик и холоден. Он уехал на Кавказ искать здоровье, которое у чудака совершенно здоровое.

Д о к т о р Д и т р и х. Лучший русский поэт — и один в Симферополе, в тесном трактире. Всеми заброшенный на съедение расстроенного рассудка. Вот событие, достойное русского быта и всего нашего времени. Две недели назад он перерезал горло. По счастью, рана была не смертельной. Он пытался выброситься в окно. Его спасли. Он стрелялся — мимо. Человек — это прирожденный убийца. Никак невозможно оставить его на собственный произвол. Шипилову, зятю его, уже собрали деньги на дорогу за Батюшковым. Если лечить, то в Германии, тут двух мнений быть не может. Я писал в Зонненштейн тамошнему доктору, они принимают со стороны. Сестра поедет с ним. Государь, вероятно, даст все, что нужно.

Б а т ю ш к о в. Прикажете похоронить мое тело на горе. Заклинаю воинов, всех христиан и добрых людей не оскорблять моей могилы. Пусть родственники мои заплатят служанке, которая ходила за мной во время болезни, три тысячи рублей. Мою коляску приказываю отдать в пользу бедных колонистов. Платье, белье и бумаги приказываю сжечь. Кошку мою отдать в Академию, она теперь ученая. Я выучил ее итальянскому.

Д о к т о р Д и т р и х (*напевает*). Любви и очи и ланиты... Что за чудо этот Батюшков! Звуки у него италиянские... (*Достает зонтик и раскрывает его.*)

Слышен шум дождя.

Д о к т о р Д и т р и х. В Зонненштейне Батюшков провел четыре года, по истечении которых болезнь его была признана неизлечимой. Его перевезли к родственникам в Вологду. В своем безумном сне он прожил еще 34 года. Только вдумайтесь, господа — тридцать четыре! Никого не узнавая или не желая знать, он пережил в этом сне друзей и врагов, и свое время. В эти годы успела погаснуть звезда Пушкина. Взлетел и погиб Лермонтов. Написал «Мертвые души» Гоголь. Появился Толстой и Достоевский. Но об этом ему ничего не было известно. На картинах, которые он рисовал, с печальным постоянством повторялся только один сюжет. Это была колокольня. Колокольня и лошадь без седока.

Б а т ю ш к о в. А потом я проснулся.

Вспыхивает свет. Сцена — пространство под столом. По краям сцены свисают кисти скатерти, видны ножки стола и стульев. Пропорции декораций таковы, что Батюшков кажется ребенком, который спрятался под столом, стоящем посреди освещенной комнаты.

Б а т ю ш к о в. Я забрался под стол, чтобы напугать маменьку. Когда взрослые сядут ужинать, маменька скажет — где мой Костя? Где мой мальчик? Нянька побежит искать. Тут я возьму и выскочу. А она обнимет меня и поцелует. Но взрослые почему-то не шли. Долго не шли, только слуги. И я заснул. Ждал-ждал, и заснул. А когда услышал голоса — проснулся.

За сценой звучат шаги, это гости входят в столовую. Среди голосов слышен голос маменьки: «Где мой Костя, куда он спрятался?» Батюшков встает и идет на голос. Звучит музыка. Он поднимает скатерть и выходит на свет, который горит за сценой.

Ч т е ц.

душе опять вольготно
душа на первом месте
когда над голой волгой
плывут на белом тесте
— и свечки колоколен
и светом лес процежен
и Батюшков не болен —
и шум пустых скворешен

Занавес

